

Театральные памятные дни.

6-е января.

(Из истории Большого театра).

Вчера мы вспомнили эпоху отдельного, самостоятельного управления московскими театрами, 20-е — 30-е года. Въ этотъ періодъ возникъ Малый театръ, на подмосткахъ котораго стяжали свою извѣстность первоклассные артисты, незабвенные въ исторіи русскаго театра.

Въ этомъ-же періодѣ встрѣчается и знаменательный день для исторіи Большаго театра. Московскій Большой театръ, теперь одинъ изъ самыхъ огромныхъ во всемъ свѣтѣ, былъ открытъ подъ названіемъ *Петровскаго* и подъ управленіемъ извѣстнаго въ театральныхъ дѣлописяхъ Мелокса, въ 1780 г.

Въ 1805 г. театръ сгорѣлъ до основанія. До нашествія французовъ спектакли продолжались въ домѣ Пашкова и въ театрѣ у Арбатскихъ воротъ, а съ 1814 г. въ домѣ Анраксна, на Знаменкѣ, и опять въ домѣ Пашкова.

Открытіе вновь возведеннаго Большаго театра состоялось 6-го января 1825 года. Для отирытія два дня сряду представляли прологъ въ стихахъ: „Торжество Музы“, М. А. Дмитриева и „великолѣпный“ балетъ: „Сандрильона“.

Театръ, значительно измѣненный и улучшенный въ 1843 г., существовалъ до роковаго пожара 17-го марта 1858 года. Пожаръ истребилъ декорации, костюмы, машины, бібліотеку и оставилъ одинъ голый стѣны. „Когда онъ горѣлъ, — говоритъ П. Басистовъ (Сиб. Вѣдом., 1856, № 220), — намъ казалось, что передъ глазами нашими погибалъ милый намъ человекъ, надѣлявшій насъ прекраснѣйшими чувствами и мыслями“. Убытокъ отъ пожара опредѣляли приблизительно въ десять милліоновъ рублей серебромъ.

Возобновленіе театра, стоившее около 900 тыс. рублей, состоялось, сравнительно, скоро. 3-го мая 1855 г. былъ утвержденъ проектъ архитектора Императорскихъ театровъ Кавоса, а къ 20-му августа 1856 г. театръ былъ уже готовъ. Представленія начались въ немъ оперою Беллини: „Пуритане“.

Грандіозное сооруженіе, поражающее и теперь своею величественностью, было тогда предметомъ восхищенія и удивленія! Но... не угодилъ архитекторъ лишь дамамъ. Нѣкоторые изъ нихъ, по современному описанію (Б. московскій театръ, М. 1857) были „въ претензіи на архитектора за то, что онъ сдѣлалъ ложи слишкомъ глубокими, по ихъ мнѣнію, такъ что изъ партера видны бюсты только тѣхъ дамъ, которыя сидятъ въ бепуарѣ или бель-этажѣ, а посѣдителицамъ другихъ ложъ остается поражать публику только своими головками да алебастровыми шеями“.

Въ самомъ дѣлѣ: какъ-же архитекторъ не сообразилъ, что вездѣ и всегда, по женской логикѣ, — *place aux dames*,...

Я-вѣ.